

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Н. И. Храпунов

Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь

ИЗ БЕЗЖАЛОСТНЫХ ВОИНОВ В БЕСПЕЧНЫЕ ЛЕНИВЦЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА КРЫМСКИХ ТАТАР ВО ФРАНЦУЗСКИХ ТРАВЕЛОГАХ XVII–XIX ВВ.

В статье рассматривается эволюция в записках французских путешественников Раннего Нового времени образа крымских татар как воинов. Материалом для исследования послужил массив путевых записок (травелогов), созданных французскими путешественниками по Восточной Европе, некоторые из которых побывали в Крыму, другие же видели крымских татар во время боевых столкновений на территории нынешней Украины. Показано, что первоначально крымских татар представляли как архетипичных кочевников, «унаследовавших» ряд черт скифов и гуннов античных источников, а также «вестников апокалипсиса» – средневековых монголов. В них видели безжалостных воинов, идеально приспособленных к суровым условиям жизни в степи, применявших непривычные приемы ведения боя, снабжения и обращения с «живой добычей». Предполагалось, что таковы свойства большинства жителей Северной Азии, или «Тартарии». После присоединения Крыма к России этот образ претерпел радикальные изменения – теперь татар стали описывать как мирных земледельцев, утративших воинскую доблесть, но ставших «благородными дикарями» руссоистской традиции. Как и большинство этнических стереотипов, данный образ имел весьма отдаленное отношение к реальности, демонстрируя комплексы и фобии самих французов.

Ключевые слова: историческая имагология, этнические стереотипы, путешественники, травелоги, Крым, крымские татары, Франция

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму»,

поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, мегагрант № 075–15–2022–1119.

Цитирование: Храпунов Н. И. Из безжалостных воинов в беспечные ленивцы: эволюция образа крымских татар во французских травелогах XVII–XIX вв. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-222-239> // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 222-239.

Поступила в редакцию: 17.01.2024

Принята к печати: 12.03.2024

Nikita I. Khrapunov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol

FROM RUTHLESS WARRIORS TO CARELESS IDLERS: THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF THE CRIMEAN TATARS IN THE FRENCH TRAVELOGUES OF 17th–19th CENTURIES

This paper discusses the evolution of the image of the Crimean Tatar warriors in the French travel writings from the Early Modern Period. The materials under research are writings of the French travellers in Eastern Europe. Some of them visited the Crimea, others viewed Crimean Tatars during military campaigns in present-day Ukraine. It has been demonstrated that initial image of the Crimean Tatars represented archetypical nomads, who “inherited” some features of Scythians and Huns from Greco-Roman tradition and the mediaeval Mongols as the “messengers of the Apocalypse.” The Tatars were viewed as ruthless warriors, ideally fit to severe conditions of the steppe, who used unusual ways of fighting, provisioning, and handling the “living booty.” It was supposed that most of the population of Northern Asia, or *Tartary*, had the same features. After the Russian annexation of the Crimea, the image of the Crimean Tatars drastically changed. From that moment on, the Crimean Tatars were described as peaceful farmers, who lost their military valour to become “noble savages” of the Rousseauian tradition. Similarly to the most of ethnic stereotypes, this one was rather far from reality and demonstrated complexes and phobias of the Frenchmen.

Keywords: historical imagology, ethnic stereotypes, travellers, travelogues, Crimea, Crimean Tatars, France

Acknowledgements: This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, megagrant project no. 075-15-2022-1119.

Citation: Khrapunov, N., (2024). Iz bezzhalostnykh voinov v bespechnye lenivtsy: évoliutsiia obraza krymskikh tatar vo frantsuzskikh travelogakh XVII–XIX vv. [From Ruthless Warriors to Careless Idlers: The Evolution of the Image of the Crimean Tatars in the French Travelogues of 17th–19th centuries]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-222-239>. *Annual of French Studies*, 2024, vol. 57, p. 222-239.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. привлекло внимание к этому региону образованных жителей Европы и сделало полуостров популярным объектом путешествий и путевых записок, в результате чего он был нанесен на «ментальные карты»¹. Но если английской культуре или, точнее, литературе, ведь образованные британцы могли читать французские издания, до той поры Крым оставался почти неизвестен², то во Франции ситуация была несколько иной. В XVII в. французы черпали сведения о крымских татарах из трудов соотечественников, оказавшихся в Речи Посполитой и получивших там опыт взаимодействия с крымским войском. Интересы Франции в Большом Средиземноморье привели к тому, что в первой четверти XVIII в. в Крыму появились французские консулы³, регулярно отправлявшие в Париж отчеты о своих наблюдениях и даже публиковавшие книги. Не стоит забывать и авторитетную «кабинетную» традицию. Так, хотя Крым играл третьестепенную роль в сочинениях Вольтера, философ периодически вспоминал о нем и в «Истории Карла XII», и в «Истории Российской империи при Петре Великом», и в переписке с Екатериной II. Тем не менее, события 1783 г. привели к пересмотру образа Крыма, сложившегося к тому времени во французской

¹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. И. Федюкина. М., 2003. С. 190–220; Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 97–122; Храпунов Н. И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь, 2022; Храпунов Н. И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века. Севастополь, 2022. С. 270–305 (с историографией вопроса).

² Редчайшее исключение – английские переводы известий о Крыме из трудов иностранных путешественников в фундаментальном корпусе известий о дальних странах Самьюэля Пёрчаса (Purchas His Pilgrimes. In Five Books. Pt. 3. London, 1625). Потому, когда знаменитый авантюрист Джон Смит, рассказывая в мемуарах о своих приключениях в Причерноморье начала XVII в., решил добавить в них известия о Крыме, то стал черпать сведения о полуострове у других авторов по своду Пёрчаса (Храпунов Н. И., Храпунова С. Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 155).

³ Veinstein G. Missionnaires jésuites et agents français en Crimée au début du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1969. Vol. 10. № 3–4. P. 414–458.

культуре и общественном мнении. Этот образ приобрел новые, яркие и выразительные черты, тогда как ряд прежних составляющих был отброшен или переосмыслен. В частности, крымских татар, в которых раньше видели архетипических кочевников-варваров, грозную военную силу, стали рассматривать как «благородных дикарей» в традиции Руссо. Об этом и пойдет речь в данной статье.

С точки зрения французов эпохи Просвещения, «Тартария» (*Tartarie*) занимала большую часть Азии – огромное пространство к северу от Османской империи, Персии и Китая, вплоть до Ледовитого океана⁴. Предполагалось, что жившие там «тартары» сохраняют единство языка и культуры⁵. Потому определения «крымские» или «сибирские» татары имели скорее территориальное, чем этническое значение⁶. В названия «страны татар» и населявшего ее народа обычно добавляли лишнюю букву *p* как напоминание о Тартаре – преисподней древнегреческих мифов. Эта фобия, возникшая из страха перед монгольским нашествием XIII в., оказалась долгоживущей – ей был подвержен, например, Руссо, считавший, что татары рано или поздно сделаются «хозяевами Европы»⁷. Лишь немногие путешественники понимали ложность данных построений. Например, Жан Шарден (1643–1713), побывавший в Кафе (совр. Феодосия) на пути в Персию (1672), где он служил придворным ювелиром шаха, заметил, что «на Востоке говорят и пишут “татар” (*Tatar*), а не “тартары” (*Tartares*), как у нас»⁸. Всех татар он делил на «европейских» и «азиатских». Первые, в свою очередь, разделялись на обитателей Перекопской Татари (Крыма), значительную часть времени проводивших в городах, и но-

⁴ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 15. Neufchastel, 1765. P. 926.

⁵ Храпунов Н. И. Центральная Азия в воображении Запада в XVIII в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М., 2020. С. 143–163.

⁶ Стереотип о единстве татарского мира оказался весьма стойким и вошел в другие европейские культуры. Когда в 1862 г. Фёдор Христианович (Густав-Теодор) Паули опубликовал иллюстрированное издание «Народы России», приуроченное к тысячелетию Российского государства, в нем говорилось, что российские татары составляют единую нацию, которая «состоит из множества племен, не всегда однородных по составу, но объединенных между собой языком, традициями, религией (исламу) и культурой. <...> Татарские народы – это огромный замкнутый мир, застывший в оцепенении» – Паули Ф. Народы России. Этнографический очерк (по изданию 1862 года). М., 2010. С. 166.

⁷ Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Пер. с фр. СПб., 2013. С. 154.

⁸ Voyages de Monsieur le chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l’Orient. T. 1. Amsterdam, 1711. P. 34.

гайцев, кочевавших к северу от полуострова⁹. Нужно сказать, что причерноморские ногайцы, ныне ставшие этнографической группой крымских татар, в XVII–XIX вв. оставались самостоятельным этносом, осознававшим свою особость¹⁰. Далеко не все путешественники осознавали разницу между ногайцами и собственно крымскими татарами, как и тот факт, что именно ногайцы составляли основу ханского войска.

В XVII в. во Франции появилась книга, важной частью которой стало описание крымских татар. Гугенот Гийом де Боплан (ок. 1600 – после 1675), ставший на родине военным инженером, после падения Ла Рошели и ужесточения преследований единоверцев поступил на польскую службу, где ему поручили строительство крепостей на Днепре для защиты от турок и татар (1630–1647). Вернувшись на родину, он изложил свои наблюдения в трактате «Описание Украины», выдержавшем при жизни автора шесть изданий. Он создал чрезвычайно непривлекательный портрет крымских татар, которых считал грозными воинами, прекрасно приспособленными к выживанию в суровых условиях причерноморских степей, неприхотливыми в походе, храбрыми в сражении и жестокими к побежденным. По словам француза, «эти люди живут лишь грабежом»¹¹. Перед читателем разворачивалась завораживающая картина идущего в поход крымского войска, выступавшего на войну зимой, когда замерзали болота и реки. Эта огромная варварская армия, совсем не похожая на европейские (конный татарин был похож на «обезьяну, посаженую верхом на борзую собаку»¹²), но связанная строгой дисциплиной и соблюдающая определенный порядок, подбиралась к границам Польши, используя природный рельеф и не разводя костров, дабы не дать себя обнаружить. Проникнув на 250–350 км вглубь страны, они разделялись на отряды, которые расходились в разные стороны, убивали всех, кто оказывал сопротивление, грабили и уводили в плен остальных. Цель войны для татар отличалась от привычных французу: они «приходят в Польшу совсем не для того, чтобы сражаться, а чтобы грабить и внезапно захватывать добычу»¹³. Летом они ходили в походы, пре-

⁹ Ibid.

¹⁰ См., например: *Дубровин Н.* Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 4. СПб., 1872. С. 18–20.

¹¹ *Боплан Г. Л. де.* Описание Украины / Пер. с фр. З. П. Борисюк. М., 2004. С. 206–207, 214–225.

¹² Там же. С. 220–221.

¹³ Там же. С. 226–235.

одолевая реки вплавь и иногда разделяясь на совсем небольшие группы, чтобы избежать преследования со стороны казаков, и собирались вместе лишь в назначенном месте. Эта тактика была настолько успешной, что Боплан заключил: «Словом, побеждает более хитрый, а не более сильный». В сражение они вступали, лишь имея десятикратное численное преимущество перед противником. Польскую кавалерию татары изматывали бесконечными притворными отступлениями и без промаха поражали стрелами с дистанции в 60–100 шагов¹⁴. Тяжелое впечатление производил рассказ о судьбах пленных, которых татары подвергали самому жестокому обращению, навсегда разлучая самых близких родственников, которым предстояло отправиться в рабство. «Грубость их позволяет им совершать множество самых грязных поступков: обещивать девушек и насиловать женщин в присутствии их отцов и мужей, и даже делать обрезание детям на глазах их родителей, чтобы обратить их в магометанскую веру»¹⁵. Книга Боплана надолго стала одним из важнейших источников сведений о крымских татарах — ее переиздавали, переводили на другие языки, использовали «кабинетные» писатели и картографы.

Позднее о невероятной жестокости крымских татар писал Антуан де Грамон, принадлежавший к одной из знатнейших французских фамилий, сын маршала Франции. Он отправился в Польшу вместе со старшим братом, которого удалил от двора Людовик XIV, усмотрев в нем соперника в любовных делах. Де Грамон наблюдал действия татарского войска во время русско-польской войны (1663–1664). Его мемуары написаны гораздо позднее, вероятно, на основе дневников и/или писем. Нравы татар — союзников польского короля — де Грамон наблюдал воочию. По его словам, однажды татары потребовали разрешения отпустить их в набег по русским тылам, потому что они «идут на войну лишь для захвата пленников, которых затем отправляют на продажу в Константинополь». В набеге они полагались на точный расчет положения основных сил врага, храбрость и скорость передвижения, ведь каждый татарин имел при себе четырех лошадей, которых сменял по мере усталости, а затем нагружал трофеями. Через восемь дней они вернулись, приведя с собой двадцать тысяч пленных. Этих пленных они распределили на три группы: старикам перерезали

¹⁴ Там же. С. 237–255.

¹⁵ Там же. С. 236–237.

горло, ведь те были не пригодны к работе, людей среднего возраста заковали в цепи, юношей назначили «для своих удовольствий, а девушек и женщин – для продолжения своего рода и последующей продажи»¹⁶. Хотя отрывок из мемуаров де Грамона издан сравнительно недавно, в данном случае важно его непосредственное восприятие крымских татар.

В XVIII в. контакты французов с Крымом усилились. Созданные в это время описания татар, в целом следуя «бюрокрафической традиции», зачастую менее эмоциональны и более практичны. Так, врач Ферран, служивший нескольким крымским ханам в начале XVIII в. и лично принимавший участие в походе на северокавказских черкесов (1702), составил отчет о последнем. По его словам, ногайцы жили исключительно добычей, «которую получают с земель своих врагов или своих соседей»¹⁷. Ради этой добычи они готовы нарушить прямое распоряжение хана. По словам француза, за два года до того жившее на Кубани племя черных ногайцев отказалось возвращать на родину взятых в плен подданных московского царя, что потребовал от них хан, и продало их в Персию¹⁸.

Выходец из семьи французских гугенотов Обри де ля Мотре, подданный британской короны, находился в Крыму в 1711–1712 гг. В это время Россия воевала со Швецией и Османской империей, а де ля Мотре был не просто очевидцем этих событий, но весьма информированным свидетелем. Потому о его миссии строят разные предположения: де ля Мотре считают торговцем или французским агентом¹⁹; нельзя исключать, что он исполнял поручение шведского короля Карла XII, искавшего союзников против России в лице крымского хана. Много позже де ля Мотре издал книгу о своих путешествиях, сначала по-английски, а затем и по-французски, причем эти тексты несколько различаются в деталях. Считается, что всему виной – «самодеятельность» переводчиков и издателей английской версии травелога²⁰. По словам француза, укрепления на Перекопском перешейке, соединяющем Крым с материком, имели «жалкий вид», однако здесь татары разгромили

¹⁶ *Gramont A. de. Relation de mon voyage en Pologne // La Revue de Paris. 1922. Т. 10. Liv. du 15 avril. P. 731–732.*

¹⁷ *Voyage de Crimée en Circassie par le pays des Tartares Nogais, fait l'an 1702 par le sieur Ferrand, médecin français // Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères. Mémoires de Levant. Т. 10. Lyon, 1819. P. 217.*

¹⁸ *Ibid. P. 220.*

¹⁹ *Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 21.*

²⁰ Там же. С. 123.

князя В. В. Голицына, приведшего с собой регулярные войска и отряды казаков, захватили множество пленных и всю московскую артиллерию²¹. Читателям должно было стать ясно, что татары имели все основания хвалиться этой победой и своей доблестью. Правда, читатели не знали, что француз (или его информаторы) несколько преувеличил(и) триумф крымского войска: в 1689 г. Голицын ушел от Перекопа сам, не потерпев поражения в бою, но не сумев обеспечить снабжение своей армии²². Хотя провал похода был очевиден, в травелоге размеры взятой татарами добычи явно были завышены. Собранные де ля Мотре сведения о татарских походах, мотивации рядовых воинов, их скудном рационе соответствуют данным Боплана²³. Впрочем, француз не считал крымское войско непобедимым: он пересказал историю, услышанную им от одного армянина из Кафы, о том, как за несколько лет до того ханское войско потерпело страшное поражение в Черкесии, попавшись в хитрую ловушку, устроенную местными жителями²⁴.

Клод-Шарль де Пейссоннель²⁵ (1727–1790), который в 1754–1758 гг. был французским консулом в Крыму, собирал материалы о торговле на Черном море, впоследствии ставшие основой для опубликованного им трактата. Заключительная часть книги представляет собой описание государственного устройства Крымского ханства, в частности – особенностей его военного дела. Де Пейссоннель рассказал о принципах сбора крымского войска – все свободные подданные обязаны или идти в поход по призыву хана, или обеспечивать снаряжением идущих. Воины объединяются в отряды по родовому принципу. Оказавшись во враждебной стране, они грабили все подряд, захватывая добычу и рабов, которых впоследствии делили, отдавая десятую часть предводителям. Подобным образом формировалось и войско ногайцев, за тем лишь исключением, что оно делилось на отряды не по родам, а в зависимости от общей численности идущих в поход²⁶. Де Пейссоннель за-

²¹ Voyages du Sr. A. de la Motraye, en Europe, Asie & Afrique. T. 2. La Haye, 1827. P. 40–41.

²² Зайцев И. В. Крымские походы В. В. Голицына 1687 и 1689 гг. // История Крыма. Т. 1. М., 2018. С. 433–434.

²³ Voyages du Sr. A. de la Motraye... P. 43–45, 49.

²⁴ Ibid. P. 54–56.

²⁵ Его фамилия в печатных работах передана по-разному, но к счастью, издан автограф, зафиксировавший форму *Peyssonnel* (Пейссоннель Ш. де. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошниковой. Днепропетровск, 2009. С. 66).

²⁶ *Peyssonnel Ch., de. Traité sur le commerce de la Mer Noire*. T. 2. Paris, 1787. P. 283–288, 307–309.

метил, что «Способ, которым татары ведут войну, их умеренность и порядок, которому они следуют в походе, известен всему свету. Все писатели об этом говорят, а мой предшественник рассказал об этой теме в своем мемуаре всё, что только можно пожелать...»²⁷. Потому сам француз не счел нужным возвращаться к данному вопросу. Фигура же его «предшественника» названа раньше – это Жан-Мишель Вентюр де Паради²⁸ (1701–1757), бывший консулом в Крыму в 1741–1745 гг., где он представлял одновременно Францию и Швецию²⁹. Очевидно, де Пейссоннель имел в виду какое-то неопубликованное, но известное ему донесение Вентюра де Паради.

Барон Франсуа де Тотт (1733–1793), бывший консулом в Бахчисарае в 1767–1769 гг., позднее издал книгу воспоминаний о своих приключениях в Турции и Крыму, завоевавшую огромную популярность, но наполненную преувеличениями и фантазиями³⁰. В 1769 г. барон принял участие в последнем набеге крымского хана на российские владения – крепость Св. Елизаветы (ныне г. Кропивницкий на Украине). Описание этого похода³¹ содержит все характерные черты, характеризующие крымскотатарское войско. И всадники, и их кони, привыкшие обходиться минимумом скудной пищи, были идеально приспособлены к долгим переходам по замерзшей зимой степи. Крымское войско соблюдало дисциплину и порядок под угрозой суровых наказаний. Не то что приданные хану тяжелооруженные турки-сипахи: те не могли справиться с климатом, из-за своей беспечности страдали от голода, теряли непривыкших к суровому климату коней, отличались нестойкостью в сражениях с русскими. В походе татары захватили множество пленных, обращаясь с ними с большой ловкостью, однако француз не мог не признать, что судьба этих несчастных была «жесточайшей несправедливостью». Когда ханское войско повернуло обратно, оно сожгло остававшиеся дома и склады – ясно, что в условиях зимы это означало неминуемую смерть для тех, кому чудом удалось избежать

²⁷ Ibid. P. 287.

²⁸ Ibid. P. 223.

²⁹ Возгрин В. Е. Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Вып. 9. С. 331–333; Mézin A. Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792). P., 1998. P. 26, 582–583.

³⁰ См., например: Храпунов Н. И. Крымский хан в поход собрался: барон де Тотт о набеге татар на Россию 1769 г. // ФЕ 2023. Т. 56. С. 36–53 (с историографией).

³¹ Mémoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares. Amsterdam, 1784. 2e partie. P. 179–259. Также: Храпунов Н. И. Крымский хан в поход собрался... С. 43–49.

плена. Часть пленных предназначалась хану, который из нее щедро одаривал приближенных. Барону пришлось, по его собственным словам, прибегнуть к хитрости, чтобы отказаться от предложенной ему в дар полудюжины мальчиков, которые должны были скрасить жизнь француза, оказавшегося «вдали от своего гарема».

Таким образом, созданный к концу XVIII в. французскими путешественниками образ вполне соответствовал тому, как представляли себе европейцы «татар» в целом – не только крымских, но вообще жителей Азии. Их считали полудикими кочевниками – воплощением варварства, жестокости, неприхотливости, бесчеловечности и иных тому подобных черт³². Эта традиция сформировалась на Западе еще до начала Нового времени. В ней можно уловить параллели с описаниями северных варваров – скифов, гуннов и прочих – в античной и византийской традиции³³. Не было особых отличий между французскими травелогами и тем, как описывали военное дело крымских татар польские, литовские, итальянские и прочие авторы³⁴.

После 1783 г. Крым превратился в место массового «паломничества» иностранцев, преследовавших самые разные цели, от образовательных до служебных, от поиска литературного вдохновения до шпионажа. Среди них было довольно много французов, сначала служивших Старому порядку, затем – граждан революционной Франции или эмигрировавших на Юг России. Опубликованные разными людьми травелоги показывают, как резко и радикально изменился образ крымских татар в восприятии французов. Это заметно, например, по запискам спутников Екатерины II в ее южном путешествии 1787 г.³⁵

Французский посол в России граф Луи-Филипп де Сегюр (1753–1830) в написанных на склоне лет мемуарах отметил следующее: «Единственная большая перемена произошла с этими древними ордами (*hordes*) гуннов, киргизов, татар, некогда известных под тысячью разных имен: издавна они наводили ужас на мир

³² Osterhammel J. *Unfabling the East: The Enlightenment's Encounter with Asia* / Tr. from Germ. R. Savage. Princeton; Oxford, 2018. P. 303–314.

³³ Храпунов Н. И. 17.1. Представления о Крымском ханстве в Западной и Центральной Европе в середине XV – третьей четверти XVIII вв. // История крымских татар в пяти томах. Т. 3. Крымское ханство (XV–XVIII вв.). Казань, 2021. С. 823–824.

³⁴ Храпунов Н. И. Сражаясь с «племенем чудовищным и бесчеловечным»: западные авторы XVI–XVIII веков о войнах Крымского ханства // Уральский исторический вестник. 2024 (в печати).

³⁵ См. недавнюю публикацию, в которой собраны отрывки из этих записок в сопровождении комментариев (здесь же перечислена историография): Храпунов Н. И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников...

своей кочевой жизнью, набегами и грабежами, но этот мир, ныне цивилизованный, населенный, вооруженный, просвещенный, лишил их всякой возможности к завоеваниям, [так что] эти орды до такой степени утратили воинственность, что сражаются очень редко и лишь между собой»³⁶. В этом отрывке отражены несколько стереотипов о татарах в целом: их вечная воинственность и экзистенциальная угроза для всего мира, а также неподвижность и неизменность Азии, где множество этнонимов в конечном счете скрывают один и тот же народ. Но де Сегюр одним из первых отметил, что недавно татары «утратили воинственность», связав это с новым этапом истории – развитием цивилизации Европы, которая могла теперь успешно противостоять прежним врагам.

В дальнейшем дипломат рассказывал, как при въезде в Крым императрица заменила свой казачий конвой на отряд крымско-татарских всадников. Очевидно, тем самым она хотела показать свое полное доверие новым подданным. Однако у ее спутников это решение вызвало легкую панику: полушутя-полусерьезно они обсуждали между собой возможность того, что татары похитят Екатерину II и сопровождавшего ее инкогнито правителя Священной Римской империи Иосифа II и отвезут их в Константинополь, отомстив им тем самым за уничтожение Крымского ханства. «К счастью, эта безумная мысль не пришла в голову честным сынам Магомета»³⁷. По словам нескольких источников, крымские татары отплатили императрице за доверие: на спускавшейся в Бахчисарай узкой, окруженной скалами дороге запряженные в карету лошади понесли и августейшей путешественнице и ее спутникам угрожала гибель, но спасли их конвойные татары, удержавшие экипаж³⁸.

Ещё один спутник Екатерины II, принц Шарль-Жозеф де Линь (1735–1814), самостоятельно отправился на Южный берег Крыма осматривать имение, полученное в подарок от императрицы. Его сопровождал проводник-татарин – представитель народа (*gens*), отличавшегося, по мнению путешественника, «дурной репутацией» и «диким обликом». «Вероятно, при встрече он обокрал или избил бы меня; но, так как я был вверен в его руки, он отдал бы свою жизнь, защищая меня», – писал де Линь. Потому, потеряв европейца из виду, проводник бросился на поиски и был готов даже предать огню

³⁶ *Comte de Ségur*. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. T. 3. Bruxelles, 1827. P. 132–133.

³⁷ *Ibid.* P. 192–193.

³⁸ Храпунов Н. И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников... С. 83, 107, 113, 126.

соседнюю деревню – очевидно, в качестве мести³⁹. Итак, всё дело в том, что крымские татары не могли злоупотребить доверием.

В дальнейшем травелоги описывали крымских татар как мягких и безобидных людей, наслаждавшихся спокойной жизнью на лоне природы и не стремившихся прибегать к насилию – иначе говоря, их новый образ радикально отличался от прежнего. Вероятно, причиной было то обстоятельство, что покоренье Крыма прошло мирно, и до начала Крымской войны крымские татары не предпринимали попыток активного сопротивления новой власти. Те же, кого не устраивал новый статус, в худшем случае могли просто покинуть родину. Так, по словам де Линя, жившие на южном берегу татары сказали ему, что если перестанут чувствовать себя счастливыми под властью России, то просто сядут на корабли и уедут в Турцию⁴⁰. Очевидно, сказывалась и возникшая в это время интерпретация южных и юго-западных районов Крымского полуострова как природного рая, который, в соответствии с философией Просвещения, должны были населять «благородные дикари», образ которых не допускал проявлений насилия или жестокости⁴¹. Некоторые путешественники задумывались, почему же грозные в прошлом войны вдруг стали мирными обывателями, и предлагали разные объяснения этому феномену. Такие суждения, наивные с современной точки зрения, характеризуют, прежде всего самих путешественников и свойственные им приемы мышления.

Жан Рёйи (1780–1810), дипломат и, вероятно, секретный агент Бонапарта, приезжал в Крым в 1803 г., собирая сведения о регионе и его населении. По мнению Рёйи, характер крымских татар зависел от образа правления. Свой жестокий нрав татары проявляли лишь в отношении тех народов, которых считали врагами. Внутри же своего общества они отличались «чистосердечием, бескорыстием, гостеприимностью, щедростью, которые сделали бы честь людям более цивилизованным». Потому, стоило российскому правительству отнять у них оружие, как из грозной силы, опустошавшей Россию и Польшу, они превратились в мирных подданных, которые вскоре забудут о деяниях своих предков⁴².

³⁹ *Prince de Ligne*. *Lettres à la marquise de Coigny*. P., 1914. P. 69–70.

⁴⁰ *Ibid.* P. 57–58.

⁴¹ Подробнее см.: Храпунов Н. И. Стереотип крымско-татарской лености в российской и зарубежной общественной мысли конца XVIII–XIX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 1. URL: <https://history.jes.su/s207987840024209-8-1>.

⁴² *Reuilly J.* *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803*. P., 1806. P. 155–156.

Впоследствии эту мысль развили инженер на русской службе Ксавье Омер де Гелль (1812–1848) и его супруга Адель (1819–1883), которые побывали в Крыму в 1841 г. По их словам, крымские татары совсем не похожи на своих предков, которые некогда наводили ужас на Европу: правнуки буйных и страшных воителей стали меланхоличными земледельцами. «При взгляде на нынешних татар, кто в этих простых людях со скромными достоинствами признает потомков надменных монголов, некогда подчинивших своему господству часть Западной Европы? Деятельную жизнь на становищах, долгие походы, дикие нравы и заносчивый характер сменили апатичная расслабленность и философическая покорность судьбе, которые, кажется, помогают забыть о прошлом при обработке полей, виноградников и прекрасных садов...»⁴³. Но контакты с русскими испортили нрав татар: «Существует значительная разница между татарами, живущими на побережье и в горах. Первые вследствие постоянного общения с русскими стали алчны, коварны и лживы; другие, напротив, сохранили среди своих гор патриархальные нравы, присущие азиатским народам»⁴⁴.

Эти слова вызвали резкую отповедь Виктора Амантона, занимавшегося виноделием в Крыму в 1829–1831 гг. По его мнению, крымские татары в целом отличались безупречным поведением. Если же какие-то пороки и встречались, то причина их в совершенно другом – в происхождении татар южного бережья: «[С]ледовало бы поискать причину алчности и коварства <...> не в их контакте с русским населением, а в том факте, что эти люди являются потомками жителей древнегреческих и гетуэзских причерноморских колоний. А приняли они мусульманство всего лишь около ста лет назад»⁴⁵.

Наконец, Поль Гибаль⁴⁶ (1795–1834), выходец из семьи эмигрантов, который путешествовал по Крыму и Кавказу в 1818–1819 гг., писал о «братстве» двух народов – русских и татар, несмотря на все различие между их обычаями, нравами и вероисповеданием, не говоря уже о том, что они на протяжении веков были «закля-

⁴³ Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017. С. 442.

⁴⁴ Там же. С. 442–443.

⁴⁵ Амантон В. Заметки о различных народностях Таврической губернии, проживающих в Крыму / пер. с фр. Г. И. Беднарчика // Судакский сборник. 2020. Вып. 3. С. 103–104.

⁴⁶ О нем: Храпунов Н. И. Образ Крыма в записках французского эмигранта Поля Гибалья // ФЕ. 2018. Т. 51. С. 437–452.

тыми врагами». Это обстоятельство сначала «сильно поразило» путешественника, но затем он стал воспринимать его «как что-то вполне естественное»⁴⁷.

Проанализированный в статье сюжет показывает, как быстро и радикально могло меняться стереотипное описание «другого» народа. Разумеется, созданные французскими путешественниками образы имели довольно опосредованное отношение к реальности и не учитывали объективные исторические обстоятельства. Так, предложенные ими объяснения того, почему крымские татары перестали быть грозными воинами, сегодня кажутся наивными. Очевидно, боевая эффективность легкой татарской кавалерии снижалась постепенно, тогда как военное дело противников совершенствовалось, и в XVIII в. крымское войско уже не могло эффективно противостоять регулярной армии европейского образца. Это продемонстрировал опыт русско-турецких войн 1735–1739 и 1768–1774 гг., а также действий русской армии в Крымском ханстве в краткий период его независимости. По-видимому, понимание этого обстоятельства воздействовало на крымскую элиту в первой половине 1783 г. во время переговоров с Г. А. Потёмкиным о ликвидации ханства не менее, чем другие аргументы светлейшего князя. Но о таких вещах путешественники не задумывались. Иллюзией оказались и рассуждения о «мирном» характере крымских татар. Французы смогли убедиться в этом на собственном опыте во время Войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., в которых приняли участие полки крымско-татарской легкой кавалерии⁴⁸. Эти татары произвели впечатление на французов, став одним из символов «северных варваров», захвативших их страну⁴⁹. А в Крымскую войну часть татар перешла на сторону союзников, опровергнув рассуждения Гибалю об их «братстве» с русскими⁵⁰. Но, как совершенно справедливо отметил А. В. Гладышев, стереотип удобен тем, что позволяет экономить на размышлениях и доверять готовым решениям⁵¹.

⁴⁷ Обзорение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибалю, 1818–1819 / Пер. с франц. Т. П. Петерс. М., 2017. С. 48.

⁴⁸ Сакович А. В. Крымские татары на военной службе Российской империи. М., 2016. С. 39–88.

⁴⁹ Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже / Пер. с франц. А. Ю. Терещенко. М., 2017. С. 20, 119, 176.

⁵⁰ Маркевич А. Таврическая губерния во время Крымской войны, по архивным материалам. Симферополь, 1994. С. 15–18, 25, 29–32.

⁵¹ Гладышев А. В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019. С. 282.

REFERENCES

- Амантон В.* Заметки о различных народностях Таврической губернии, проживающих в Крыму / Пер. с фр. Г. И. Беднарчика // Судакский сборник. 2020. Вып. 3. С. 102–110 [Amanton V. Zametki o razlichnykh narodnostiakh Tavricheskoï gubernii, prozhivaiushchikh v Krymu / Per. s fr. G. I. Bednarchika // Sudakskii sbornik. 2020. Vyp. 3. S. 102–110].
- Боплан Г. Л. де.* Описание Украины / Пер. с фр. З. П. Борисюк. Москва, 2004 [Boplan G. L. de. Opisanie Ukrainy / Per. s fr. Z. P. Borisiuk. Moskva, 2004].
- Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода Петра I. Москва, 2004 [Vodarskii Ia. E. Zagadki Prutskogo pokhoda Petra I. Moskva, 2004].
- Возгрин В. Е.* Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Вып. 9. С. 318–334 [Vozgrin V. E. Materialy po shvedsko-krymskim otnosheniiam v XVI–XVIII vv. v Arkhive LOII SSSR AN SSSR // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. 1978. Vyp. 9. S. 318–334].
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. И. Федюкин. Москва, 2003 [Vul'f L. Izobretaia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia / Per. s angl. I. I. Fediukin. Moskva, 2003].
- Гладышев А. В.* 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. Москва, 2019 [Gladyshev A. V. 1814 god: "Varvary Severa" imeiut chest' privetstvovat' frantsuzov. Moskva, 2019].
- Дубровин Н.* Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 4. Санкт-Петербург, 1872 [Dubrovin N. Materialy dlia istorii Krymskoï voiny i oborony Sevastopolia. Vyp. 4. Sankt-Peterburg, 1872].
- Зайцев И. В.* Крымские походы В. В. Голицына 1687 и 1689 гг. // История Крыма. Т. 1. Москва, 2018. С. 432–434 [Zaitsev I. V. Krymskie pokhody V. V. Golitsyna 1687 i 1689 gg. // Istoriia Kryma. T. 1. Moskva, 2018. S. 432–434].
- Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. Москва, 2004 [Zorin A. Kormia dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaia ideologiiia v Rossii v poslednei tretii XVIII – pervoi tretii XIX veka. Moskva, 2004].
- Маркевич А.* Таврическая губерния во время Крымской войны, по архивным материалам. Симферополь, 1994 [Markevich A. Tavricheskaia

- guberniia vo vremia Krymskoi voiny, po arkhivnym materialam. Simferopol', 1994.].
- Обозрение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибалья, 1818–1819 / пер. с франц. Т. П. Петерс. Москва, 2017 [Obozrenie Kryma, Novorossii i Kavkaza v dnevnike puteshestviia iz Odessy v Tiflis Polia Gibalia, 1818–1819 / per. s frants. T. P. Peters. Moskva, 2017].
- Орехов В. В.* В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017 [Orekhov V. V. V labirinte krymskogo mifa. Velikii Novgorod; Simferopol'; Nizhnii Novgorod, 2017].
- Паули Ф.* Народы России. Этнографический очерк (по изданию 1862 года). Москва, 2010 [Pauli F. Narody Rossii. Etnograficheskii ocherk (po izdaniiu 1862 goda). Moskva, 2010].
- Пейссонель Ш. де.* Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В. Лотошниковой. Днепропетровск, 2009 [Peissonel' Sh. de. Zapiska o Maloi Tatarii / Per. s fr. V. Lotoshnikovoi. Dnepropetrovsk, 2009].
- Руссо Ж.-Ж.* Политические сочинения / пер. с фр. Санкт-Петербург, 2013 [Russo Zh.-Zh. Politicheskie sochineniia / Per. s fr. Sankt-Peterburg, 2013].
- Рэй М.-П.* 1814. Царь в Париже / Пер. с франц. А. Ю. Терещенко. Москва, 2017 [Rei M.-P. 1814. Tsar' v Parizhe / per. s frants. A. Iu. Tereshchenko. Moskva, 2017].
- Сакович А. В.* Крымские татары на военной службе Российской империи. Москва, 2016 [Sakovich A.V. Krymskie tataru na voennoi sluzhbe Rossiiskoi imperii. Moskva, 2016].
- Храпунов Н. И.* Образ Крыма в записках французского эмигранта Поля Гибалья // Французский ежегодник. 2018. С. 437–452 [Khrapunov N. I. Obraz Kryma v zapiskakh frantsuzskogo emigranta Polia Gibalia // Frantsuzskii ezhegodnik. 2018. S. 437–452].
- Храпунов Н. И.* Центральная Азия в воображении Запада в XVIII в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. Москва, 2020. С. 143–163 [Khrapunov N. I. Tsentral'naia Aziia v voobrazhenii Zapada v XVIII v. // Tsentral'naia Aziia na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv. Moskva, 2020. S. 143–163].
- Храпунов Н. И.* 17.1. Представления о Крымском ханстве в Западной и Центральной Европе в середине XV – третьей четверти XVIII вв. // История крымских татар в пяти томах. Т. 3. Крымское ханство (XV–XVIII вв.). Казань, 2021. С. 822–828 [Khrapunov N. I. 17.1. Predstavleniia

- о Крымском ханстве в Западной и Центральной Европе в середине XV – третей четверти XVIII вв. // *Istoriia krymskikh tatar v piati tomakh*. Т. 3. Крымское ханство (XV–XVIII вв.). Kazan', 2021. S. 822–828].
- Храпунов Н. И.* Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь, 2022 [Khrapunov N. I. Angliiskie puteshestvenniki i Krym. Konets XVIII – pervaia tret' XIX v. Sevastopol', 2022].
- Храпунов Н. И.* Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX века. Севастополь, 2022 [Khrapunov N. I. Bakhchisarai v opisaniakh inostrannykh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX veka. Sevastopol', 2022].
- Храпунов Н. И.* Крымский хан в поход собрался: барон де Тотт о набеге татар на Россию 1769 г. // *Французский ежегодник*. 2023. Т. 56. С. 36–53 [Khrapunov N. I. Krymskii khan v pokhod sobralsia: baron de Tott o nabege tatar na Rossiiu 1769 g. // *Frantsuzskii ezhegodnik*. 2023. Т. 56. S. 36–53].
- Храпунов Н. И.* Стереотип крымско-татарской лености в российской и зарубежной общественной мысли конца XVIII–XIX вв. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. Вып. 1. URL: <https://history.jes.su/s207987840024209-8-1> [Khrapunov N. I. Stereotip krymsko-tatarskoi lenosti v rossiiskoi i zarubezhnoi obshchestvennoi mysli kontsa XVIII–XIX vv. // *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia."* 2023. Т. 14. Вып. 1. URL: <https://history.jes.su/s207987840024209-8-1>].
- Храпунов Н. И.* Сражаясь с «племенем чудовищным и бесчеловечным»: западные авторы XVI–XVIII веков о войнах Крымского ханства // *Уральский исторический вестник*. 2024 (в печати) [Khrapunov N. I. Srazhaias' s "plemenem chudovishchnym i beschelovechnym": zapadnye avtory XVI–XVIII vekov o voynakh Krymskogo khanstva // *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2024 (v pechati)].
- Храпунов Н. И., Храпунова С. Н.* Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 4. С. 146–158 [Khrapunov N. I., Khrapunova S. N. Zapiski Dzhona Smita kak istochnik po istorii Krymskogo khanstva v nachale XVII v. // *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2015. № 4. S. 146–158].
- Comte de Ségur*. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. Т. 3. Bruxelles, 1827.
- Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Т. 15. Neufchastel, 1765.

- Gramont A. de.* Relation de mon voyage en Pologne // La Revue de Paris. 1922. T. 10. Liv. du 15 avril. P. 698–737.
- Mémoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares. Amsterdam, 1784.
- Mézin A.* Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792). Paris, 1998.
- Osterhammel J.* Unfabling the East: The Enlightenment's Encounter with Asia / tr. from Germ. R. Savage. Princeton; Oxford, 2018.
- Peyssonel de.* Traité sur le commerce de la Mer Noire. T. 2. Paris, 1787.
- Prince de Ligne.* Lettres à la marquise de Coigny. Paris, 1914.
- Pvrchas His Pilgrimes.* In Five Books. Pt. 3. London, 1625.
- Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris, 1806.
- Veinstein G.* Missionnaires jésuites et agents français en Crimée au début du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1969. Vol. 10. № 3–4. P. 414–458.
- Voyage de Crimée en Circassie par le pays des Tartares Nogais, fait l'an 1702 par le sieur Ferrand, médecin français // Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères. Mémoires de Levant. T. 10. Lyon, 1819. P. 214–227.
- Voyages de Monsieur le chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient. T. 1. Amsterdam, 1711.
- Voyages du Sr. A. de la Motraye, en Europe, Asie & Afrique. T. 2. La Haye, 1827.

Храпунов Никита Игоревич
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория «Византийский Крым»
Научно-исследовательский центр
истории и археологии Крыма,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского.
295007, пр. Вернадского, 4,
Симферополь, Республика Крым,
Российская Федерация
e-mail: khrapunovn@mail.ru

Nikita Khrapunov
Dr. Hab. (History), Leading Researcher,
Byzantine Crimea Laboratory,
History and Archaeology of the
Crimea Research Centre,
V. I. Vernadsky
Crimean Federal University.
4 Vernadsky Ave, Simferopol, 295007,
Republic of the Crimea,
Russian Federation.
e-mail: khrapunovn@mail.ru
ResearcherID: Q-8101-2017
ORCID: 0000-0001-6141-9487
Scopus ID: 57201662517